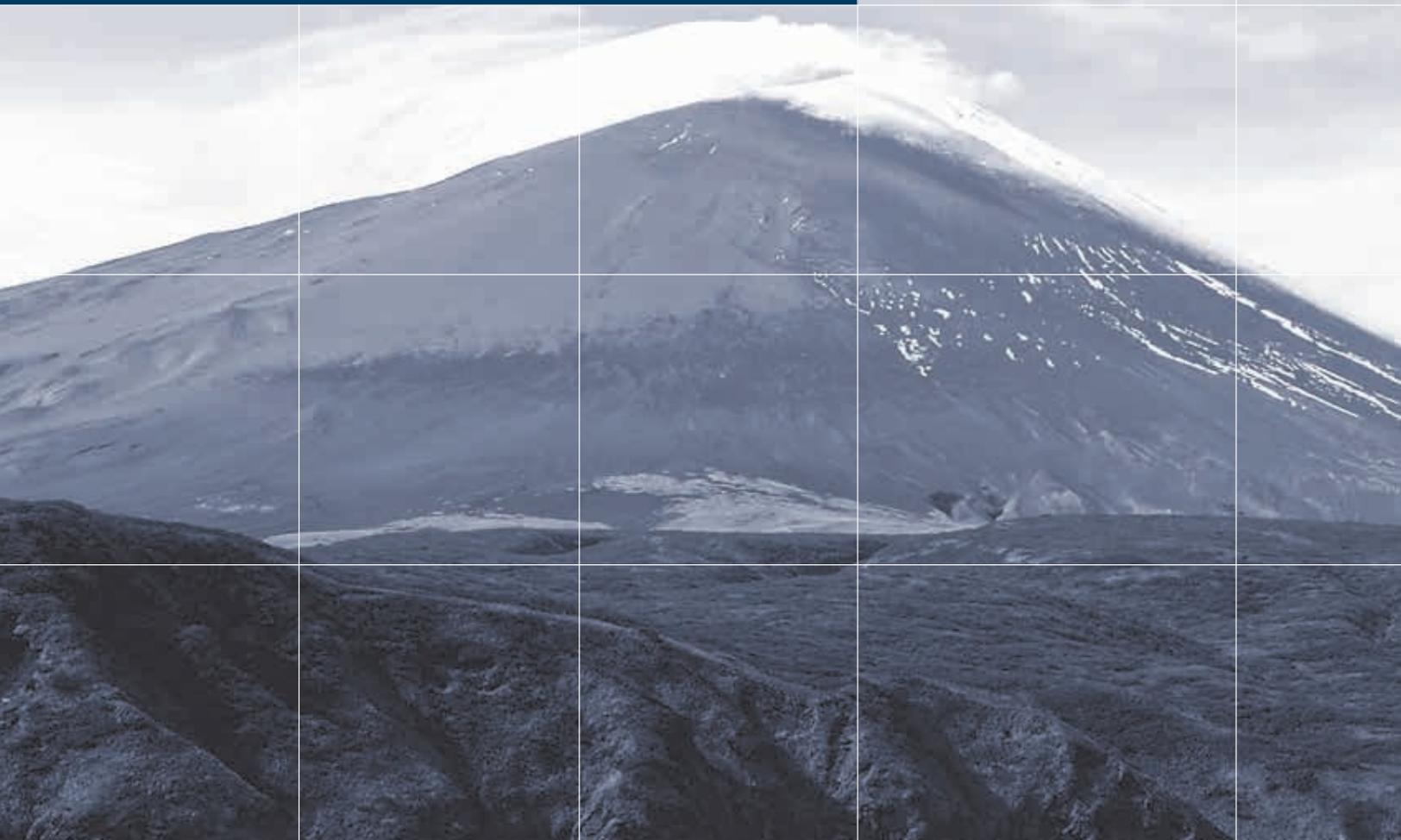

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В РОССИЙСКО- ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Дмитрий Стрельцов

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

**ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОШЛОГО В РОССИЙСКО-
ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

Дмитрий Стрельцов

Данная публикация вышла в рамках проекта «Экспертный диалог по проблемам российско-японских отношений», осуществленного при финансовой поддержке правительства Японии.

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке, иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2016

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Япония и Россия: довоенный период	5
Память о Второй мировой войне как основа национальной идентичности СССР и Японии	10
Вопросы истории в послевоенный период	14
Вопросы исторической памяти в современных российско-японских отношениях	24
Заключение	28
Примечания	31
Московский Центр Карнеги	33

Об авторе

Дмитрий Стрельцов — заведующий кафедрой востоковедения
Московского государственного института международных отношений
(Университета) МИД России, доктор исторических наук, профессор.

Краткое содержание

Считается, что у России и Японии нет настолько серьезных нерешенных проблем исторического прошлого, как у Японии и ее восточноазиатских партнеров, и потому исторические вопросы не могут стать камнем преткновения во взаимоотношениях Токио и Москвы. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что исторические и историко-политические факторы не просто влияют на связи России и Японии, но и делают их одними из самых сложных и проблемных в регионе.

Проблемные точки истории

- Для Японии актуальность исторической проблематики в отношениях с Россией во многом связана с увеличением роли популизма в принятии политических решений.
- Для России в силу большей централизации власти наиболее значимым становится образ Японии, который складывается у главы государства и представителей политического класса.
- В обеих странах укоренению стереотипов способствует школьная система преподавания национальной истории, которая нередко преподносит многие исторические факты в тенденциозном духе.
- Большую часть полуторавековой истории взаимных отношений Россия и Япония были врагами, соперниками, конкурентами.
- Сильный отпечаток в историческом сознании двух наций оставили в XX веке Русско-японская война 1904–1905 годов, интервенция японских войск на Дальнем Востоке в 1918–1922 годах, военное и политическое противостояние и столкновения на Дальнем Востоке в межвоенный период, Советско-японская война как часть Второй мировой, а также холодная война, в которую страны оказались по разные стороны баррикад.
- В советском общественном сознании Япония представлялась чуждой и враждебной, и вступление СССР в войну против нее воспринималось как акт высшей исторической справедливости.

- В Японии в оценках итогов Второй мировой войны преобладала точка зрения, согласно которой СССР нанес стране целый ряд исторических обид: вступление СССР в войну в нарушение советско-японского Пакта о нейтралитете, насильственное перемещение в СССР и использование подневольного труда более полумиллиона бывших военнослужащих Японской императорской армии, наконец, военная оккупация Южно-Курильских островов, которые являются, как полагают в Токио, исконными японскими территориями.
- Во время холодной войны Москва предпочитала воздерживаться от чрезмерных пропагандистских нападков на Японию по поводу ее военного прошлого, считая все «долги» погашенными обстоятельствами окончания войны и условиями послевоенного урегулирования.
- Все сложные вопросы русско-японских отношений в СССР считались урегулированными, а на исследование исторической подоплеку территориальной проблемы было наложено табу.
- В период интенсивного экономического роста Японии в 1960-х — начале 1970-х годов в советском обществе наблюдался всплеск интереса к Японии, которая была окружена флером загадочной страны.

Основные выводы и прогнозы

- В восприятии России в современной Японии доминирует мрачный образ страны, похожей на СССР, что во многом связано с жесткой позицией Москвы по территориальной проблеме.
- Образ Японии в российском массовом сознании гораздо более сложный. Существует несколько точек зрения на отношения с Японией, носителей этих взглядов можно условно разделить на «консерваторов», «реалистов» и «меркантилистов».
- У российских лидеров нет последовательной стратегии развития отношений с Японией, на передний план в зависимости от политической конъюнктуры могут выходить различные точки зрения.
- Стремясь создать условия для дальнейшей нормализации отношений с Токио, Москва принципиально придерживается нейтральной позиции по сложным историческим вопросам, которые стоят на повестке дня в отношениях Японии с ее восточноазиатскими соседями. В то же время в территориальном вопросе Москва демонстрирует все большую жесткость.

Введение

Тема исторического прошлого и исторической памяти в последнее время привлекает к себе все больше внимания — как фактор, влияющий на современные международные отношения и мировую политику. Для Восточной Азии эта тема имеет особенное значение, поскольку здесь острее, чем где-либо еще, стоят вопросы национальной гордости и национального достоинства, а субъективная оценка тех или иных исторических событий влияет на политическую практику. Ситуация в Северо-Восточной Азии (СВА) показывает, что историческое прошлое не только имеет значение для межгосударственных отношений, но нередко задает их повестку и даже общую политическую атмосферу. Спектр политизированных вопросов истории здесь исключительно широк — от наследия синоцентричного мира, основанного на иерархии взаимоотношений Китая и его стран-соседей, до сан-францисской системы послевоенного регионального устройства, которая резонирует в сегодняшней международной политике нерешенными территориальными конфликтами.

Приход России в регион и активное формирование ее отношений с соседями пришлось на вторую половину XIX века, то есть на самый поздний период истории синоцентричного миропорядка, который к тому времени уже переживал острый кризис. Россия остается чужаком в восточноазиатском регионе, она не несет бремени многовекового исторического прошлого и поэтому находится на особом положении среди прочих стран СВА — Японии, Китая и Кореи, отношения между которыми стали в последнее время заложниками страстей и эмоций. Рост националистических настроений в странах СВА сопровождается требованиями «исправить историческую несправедливость», «восстановить былое величие страны», «отомстить за давние обиды и унижения» и так далее, что обуславливает жесткость и неуступчивость их внешнеполитических курсов.

Несмотря на особое положение в регионе, Россия оказалась втянута в запутанные вопросы исторического прошлого, и в некоторых случаях они доросли до уровня крупных дипломатических проблем. В первую очередь речь идет о связях с Японией — пожалуй, наиболее сложных с точки зрения воздействия на них исторических и историко-политиче-

ских факторов. Данная статья — попытка проанализировать, какие из вопросов исторического прошлого по-прежнему актуальны для двусторонних отношений, в чем конкретно проявляется эта актуальность и как экстраполируется историческая память в сознании обеих наций на реальную политическую повестку дня.

Историческое знание о тех или иных событиях и действиях, а также субъективная оценка этого знания — неотъемлемая часть образа страны-партнера, который формируется у политической элиты и в общественном сознании в целом. Однако влияет на внешнюю политику России и Японии это историческое знание по-разному. Например, в Японии политические деятели находятся в гораздо большей зависимости от сложившихся в обществе стереотипов. Особенное значение фактор популизма приобретает в годы проведения всеобщих парламентских выборов, когда желание понравиться избирателям нередко превалирует над здравым смыслом и рациональным подходом к государственным интересам.

В России связь реальной политики с общественными настроениями носит гораздо более опосредованный характер. В силу большей централизации власти и персонализированного характера президентской внешней политики наиболее значимым становится то, какой образ Японии сложился у главы государства, у его советников, у руководителей внешнеполитических ведомств и иных представителей политических элит.

Есть и общие для двух стран моменты. Как в Японии, так и в России укоренению стереотипов и предубеждений способствует школьная система преподавания национальной истории, нередко преподносящая многие факты в соответствии с политической конъюнктурой, а иногда и в тенденциозном духе. Нельзя также не учитывать и влияние средств массовой информации, комментарии и выступления лидеров общественного мнения — экспертов по стране-партнеру, влиятельных ученых, политологов, ведущих различных ток-шоу и так далее, формирующих через СМИ видение тех или иных вопросов двусторонних отношений.

Конечно, не следует преувеличивать роль общественного сознания в реальной политике: механизмов явного и прямого воздействия общественного мнения на принятие решений просто не существует. Кроме того, власти имеют возможность манипулировать общественным мнением с помощью средств массовой информации, регулируя настроения граждан, меняя сложившиеся стереотипы и установки в соответствии с политической конъюнктурой. Впрочем, здесь не все так просто — элита сама может оказаться жертвой стереотипов, сформированных ею же в популистских целях: эти стереотипы приобретают материальную силу и овладевают умами властей предрешающих.

Среди прочих ценностно-мировоззренческих ориентиров доминирующие в обществе взгляды на историческое прошлое являются, пожалуй, одними из наиболее консервативных, а их флуктуация оказывается замет-

ной только на длительных исторических отрезках, проявляясь чаще всего с приходом нового поколения или новой исторической эпохи. Например, если взять историю российско-японских отношений, та же Русско-японская война 1904-1905 годов или японская интервенция на Дальнем Востоке России 1918–1922 годов совершенно по-разному воспринимались в СССР/России и Японии в довоенный и послевоенный периоды. Не одинаково относились в обеих странах и к самой Второй мировой войне пережившее ее послевоенное поколение и поколение современное.

История взаимных отношений России и Японии насчитывает чуть более ста пятидесяти лет, и подавляющую часть этого времени Россия и Япония были врагами, соперниками, конкурентами. Были и многочисленные конфликты, и прямая военная конфронтация, взаимная враждебность и отсутствие доверия. Сильный отпечаток в историческом сознании обеих наций оставили Русско-японская война, интервенция японских войск в период «холодного мира» 1918–1922 годов, а по сути — военного и политического противостояния на Дальнем Востоке, во время которого стороны неоднократно вступали в локальные вооруженные конфликты, наконец, долгий период холодной войны, когда Япония и СССР оказались по разные стороны баррикад. Можно выделить, пожалуй, лишь три коротких периода весьма условного потепления отношений: 1909–1916 годы, когда страны впервые вплотную приблизились к установлению военного союза и даже успели оформить его юридически, 1941–1945 годы (период действия Пакта о нейтралитете) и 1956–1960 годы (краткий промежуток после подписания совместной Московской декларации до появления известной «ноты Громыко»).

С учетом этих обстоятельств исторический фактор является, пожалуй, одним из наиболее деструктивных в развитии двусторонних отношений. Как отмечал японский исследователь Хироси Кимура, они «всегда были настолько плохими, что возникла теория, что плохое состояние этих отношений является нормальным»¹. Часто Россию и Японию называют «далекими соседями». По-видимому, исторически сложившееся чувство оскорбленного национального самолюбия — не самое лучшее условие для развития взаимных связей.

Япония и Россия: довоенный период

Как воспринимали Россию в Японии

Япония считала Россию угрозой задолго до прихода к японским берегам «черных кораблей» американского адмирала Перри. В середине эпохи Токугава японский мыслитель Хаяси Сихэй в своем трактате «Записки

о морском вооружении державы» («*Кайкоку хэйдан*», 1786) ставил вопрос об «угрозе военного нападения России» и настоятельно рекомендовал перевооружить береговую охрану. На пути возможного продвижения России в южном направлении на Хоккайдо сёгунские власти создали буферное княжество Мацумаэ. Свою лепту в создание негативного образа России внесли голландцы, которые нередко использовали собственное

**Военная интервенция в Россию
в 1918–1922 годах подавалась в Японии
как естественная реакция на приход
к власти левых экстремистов.**

монопольное положение единственных легальных европейцев в Японии (1600–1867 годы) для дискредитации в глазах сёгуна других европейских стран, проявлявших интерес к Японии. Например, в 1771 году голландцы, переводя японским властям рассказ бежавшего из российской ссылки словацкого авантюриста Бенёвского, добавили туда сообщение об агрессивных намерениях России. Широкую известность получил в Японии инцидент с разграблением в 1806–1807 го-

дах российскими военными кораблями под командованием лейтенанта Николая Хвостова и мичмана Гавриила Давыдова японских факторий на острове Итуруп и на Сахалине, предпринятым в отместку за унижение России из-за отказа представителя сёгуна двумя годами ранее принять российского посланца Николая Резанова.

Японцам хорошо известно и то, что в период Мэйдзи (23 октября 1868 года — 30 июля 1912 года) Россия была в числе держав, участвовавших в насильственном открытии страны и навязавших Японии неравноправные договоры. Она же вместе с Германией и Францией вмешалась в 1895 году в реализацию итогов Японо-китайской войны и заставила Японию отказаться от части «справедливых» завоеваний, полученных ею по Симоносекскому миру (в частности, от Ляодунского полуострова). И хотя японская интеллигенция продолжала увлекаться русской культурой и называла Россию своим учителем, заметного воздействия на японскую культуру, быт, государственное устройство и военную политику Россия, в отличие от многих других стран Запада, не оказала.

Не способствовала формированию в Японии добрых чувств по отношению к себе и Советская Россия. События октября 1917 года всегда трактовались в Японии как черная и трагическая страница российской истории — школа и официальная пропаганда внушили большинству японцев самые негативные чувства к коммунистической идеологии. Японская военная интервенция в Россию в 1918–1922 годах подавалась как естественная реакция на приход к власти левых экстремистов, как меры по защите жизни и собственности проживавшей в России японской общины, насчитывавшей почти 6 тыс. человек, а также как выполнение союзнических обязательств перед странами Антанты (войска были введены под предлогом борьбы с восстанием на Транссибирской железной дороге интернированных военнопленных Чехословацкого корпуса).

Кстати, термин «интервенция» при упоминании этих событий никогда не использовался — в Японии предпочитали говорить о «направлении войск в Сибирь» (*сибэриа сюттэй*). Затягивание вывода войск, продлившее японское присутствие до четырех лет, оправдывалось так называемым Николаевским инцидентом марта 1920 года, когда отряд анархиста Якова Тряпицына заживо сжег японский гарнизон Николаевска-на-Амуре и гражданских лиц, включая консула и его семью. (При этом, правда, не слишком акцентировался тот факт, что Тряпицын был вскоре расстрелян по приговору советского военного трибунала.)

Не испытывали японцы приязни к СССР и в межвоенный период — сталинский СССР однозначно воспринимался как враждебное государство, которое к тому же пыталось экспортировать в Японию с помощью Коминтерна чуждую коммунистическую идеологию. Кроме того, по мере усиления в Японии роли военных СССР все чаще представлял как потенциальный объект для территориальной экспансии, как лакомый кусок «жизненного пространства». После захвата Японией Маньчжурии в 1931 году штаб японской сухопутной армии ратовал за продолжение экспансии на север, разрабатывая соответствующие оперативные планы, и лишь военные неудачи в ходе конфликта с СССР 1938–1939 годов (столкновения у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол) охладили пыл японских милитаристов, заставив выбрать для агрессии южное направление. Следует отметить, что культурные контакты между двумя странами не прекращались и в 1920–30-е годы, однако это не изменило общую картину настороженного и враждебного отношения к сталинской России.

Как воспринимали Японию в России и СССР

Образ Японии в России/СССР (точно так же, как и образ России в Японии) был скорее мрачным и враждебным. С конца XIX века, когда Япония предприняла экспансию в Маньчжурию и стала выходить на российские дальневосточные рубежи, в исторической памяти нескольких поколений подданных Российской империи, а затем и советских граждан подспудно стало формироваться представление о «желтой угрозе». Враждебность по отношению к Японии усиливалась в периоды Русско-японской войны, военной интервенции Японии на советском Дальнем Востоке и конфронтации на маньчжурской границе и в Монголии в 1930-е.

Стоит отдельно выделить эмоциональный стресс, связанный с поражением в Русско-японской войне, нанесшим русскому народу большую психологическую травму. До и во время этой войны во многом стараниями официальной пропаганды в общественном сознании сложился образ японцев как коварных, злых и мстительных «инопланетян» — представителей совершенно иной, чуждой и недоступной для понимания культуры. Свою роль играл и расовый мотив — в глазах части российской элиты война с Японией была сражением белой и желтой рас,

и поражение России как представителя белой, «превосходящей» расы означало уязвление ее национальной гордости. Нельзя не отметить, что первая победа «желтой» империи над «белой» имела большое психологическое значение для прочих азиатских народов, находившихся в колониальной зависимости от Запада, и воодушевила их на борьбу с «белым» империализмом, свидетельством чему явилась, например, революция 1911 года в Персии.

Следует учесть и то обстоятельство, что российское государство расширялось на восток, идеологически обосновывая экспансию цивилизаторской миссией в отношении азиатских народов. Нанесенные ей поражением в войне обида и унижение означали удар по идеологии имперского мессианства, основанной на культурно-цивилизационном превосходстве России по отношению к «варварской» Азии. Кстати говоря, именно на эту болевую точку — уязвленное в результате поражения самолюбие русского народа и копившуюся в нем жажду мщения — эффективно надавливал Иосиф Сталин, когда говорил 2 сентября 1945 года о причинах объявления войны Японии: «...поражение русских войск в 1904 году в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано»².

До Великой Отечественной войны в сознании советских граждан, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, память о японской военной интервенции оставалась свежей кровоточащей раной. Особенно мрачные воспоминания оставили в народе карательные акции, которые японские военные проводили, борясь с партизанским движением. Примером таких действий стало уничтожение японскими карателями 250 жителей села Ивановка Амурской области 22 марта 1919 года.

Официальная пропаганда подавала события недавнего прошлого с соответствующей идеологической обработкой, часто без достаточных документальных подтверждений. Например, большое распространение получил миф о сжигании казаками-белогвардейцами в мае 1920-го в паровозной топке переданного им японцами одного из красных командиров Сергея Лазо, хотя на самом деле Лазо был расстрелян. Миф этот оказался настолько популярным, что в 1970-е годы в Уссурийске установили паровоз, в топке которого якобы сожгли Лазо (потом выяснилось, что из-за спешки на постаменте оказался американский локомотив 1930-х годов)³.

Японская интервенция на Дальнем Востоке считается большой трагедией, цепью страданий и унижений, сопровождавшейся гибелью невинных людей. В отличие от войны 1904–1905 годов, она была первой за всю историю отношений с японцами войной на российской территории и поэтому воспринималась как священная борьба с иностранными поработителями. Однако в национальном сознании советского народа японские оккупан-

ты не оставили такого глубокого следа, как в Китае двумя десятилетиями позже. Дело в том, что поражение, разоружение и унижение Японии во Второй мировой войне дало советским людям чувство морального удовлетворения, позволившее им простить Японии грехи ее прошлого.

Мрачный образ враждебной Японии продолжал превалировать и после ухода японских войск, несмотря на нормализацию политических отношений с Токио в 1925 году. Как полагает исследователь Анастасия Ложкина, «к концу 1920-х годов в советском общественном сознании сформировался негативный образ Японии. Он состоял из мифологизированных представлений, стереотипов, сложившихся во второй половине XIX века, личных впечатлений, полученных в период Русско-японской войны и интервенции... Несмотря на трехсотлетнюю историю взаимоотношений, представления о дальневосточном соседе были достаточно ограниченными, это, конечно, накладывало определенный отпечаток на принятие политических решений советским руководством, на восприятие советским обществом картины мира»⁴.

Большое значение в довоенном восприятии Японии играл страх, не всегда рационально обусловленный. Япония представлялась в основном агрессивной державой, стремившейся напасть на СССР и отторгнуть его дальневосточные владения. Особенно после событий начала 1930-х, когда Япония оккупировала Маньчжурию и зона военного противостояния расширилась на всю протяженность маньчжуро-советской, а также маньчжуро-монгольской границы. В регионе началась гонка вооружений, напряженность на границе вылилась в реальные военные столкновения, а в 1935 году из-за провокаций Москве пришлось согласиться на продажу контролировавшемуся Японией марионеточному государству Маньчжоу-Го Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Логичным завершением усиливающейся конфронтации стали в 1938–1939 годах вооруженные столкновения на озере Хасан и реке Халхин-Гол. В 1936 году Япония присоединилась к антикоминтерновскому пакту, а в 1940 году окончательно сделала выбор в пользу военного союза с Германией и Италией, направленного против СССР.

Таким образом, события первой половины XX века остались в памяти народа как свидетельства агрессивного курса Японии по отношению к России/СССР, который с течением времени только ужесточался. Это стало почвой для широких антияпонских настроений в массах, Япония представлялась чуждой и враждебной страной. Именно поэтому вступление СССР в войну против Японии (официально мотивированное в заявлении советского правительства необходимостью ускорить окончание Второй мировой войны), а также ее быстрый во-

Поражение, разоружение и унижение Японии во Второй мировой войне дало советским людям чувство морального удовлетворения, позволившее простить ей грехи прошлого.

енный разгром воспринимались в народе как акт высшей исторической справедливости.

Память о Второй мировой войне как основа национальной идентичности СССР и Японии

Память о войне как основа национальной идентичности СССР

В результате Второй мировой войны СССР избавился от статуса изгоя и вошел в число держав, стоявших у истоков Ялтинско-Потсдамской системы. Именно на постулате о мессианской роли СССР и его особом статусе демиурга послевоенного мироустройства Советский Союз, а после его распада и постсоветская Россия формировали свою международную идентичность. С течением времени этот образ только укреплялся: если в первые послевоенные годы, когда холодная война еще набирала обороты, а ядерный конфликт с Западом не казался чем-то нереальным, Москва готовилась к новому переделу мира и поэтому не особенно заботилась о выстраивании «цивилизованных» отношений с Западом, то со второй половины 1950-х, после смерти Сталина, появились новые акценты. Политика мирного сосуществования двух систем привела к росту экономических и гуманитарных связей с Западом, в середине 1970-х была провозглашена политика разрядки, отпала потребность в тотальной демонизации бывших союзников в лице США, ФРГ, Великобритании и Франции. Международный авторитет СССР в глазах мира стал в гораздо большей степени опираться на его статус победителя во Второй мировой войне и одного из основателей ООН.

Советская идентичность, основанная на победе в Великой Отечественной войне, включала в себя и элементы виктимности. В их появлении сыграли свою роль неудачи экономической политики: нужно было оправдать хроническое отставание в соревновании с Западом огромными военными потерями. Идеологема Великой Победы подразумевала акцент на колоссальном объеме потерь, понесенных советским народом. Если при Сталине говорили о 8 млн погибших в годы Великой Отечественной войны, то при Брежневе цифра выросла до 20 млн, а в постсоветский период — до 27 млн человек. Другой темой, дававшей почву виктимности, стал вопрос о позднем открытии англо-американскими союзниками второго фронта, что привело к огромным дополнительным потерям советских войск.

Ощущение виктимности оправдывало в общественном сознании идею милитаризации, приоритет военного строительства над мирным

экономическим развитием, готовность нести жертвы во имя безопасности в той форме, как ее понимали советские лидеры. Психологический комплекс «осажденной крепости», сформировавшийся в довоенные годы и получивший существенную поддержку в период войны, оказался действенным средством поддержания лояльности власти в широких слоях советского общества и после войны, что способствовало стабилизации и внутренней консолидации дряхлеющего режима.

По мнению американского исследователя Джозефа Фергюссона, русские «чувствуют, что, поскольку Россия победила в войне, территории, которые она получила, были завоеваны путем жертв. В современной России... победа во Второй мировой войне являет собой в полном смысле слова великое историческое событие XX века, на которое россияне могут указывать с чувством гордости. Отсюда нежелание России поступаться территориями, которые она приобрела от Германии (Калининград) и Японии (Южные Курилы)»⁵.

Память о войне как основа национальной идентичности Японии

Парадоксальным образом комплекс виктимности сложился и у Японии, но в ее случае он был основан на неоднозначном отношении к событиям Второй мировой войны. Комплекс виктимности, создававший чувство психологического комфорта, вместе с негативным отношением к милитаристскому прошлому сформировал в массовом сознании сложную этико-философскую конструкцию, которая способствовала становлению послевоенной идентичности Японии.

Многие в Японии считали, что видение истории, согласно которому страна предстает в неприглядном свете, является продуктом политической пропаганды и не соответствует действительности и что японская армия в 1930-е сражалась за правое дело — освобождение угнетенных народов Азии от белых колонизаторов. Комплекс виктимности подпитывался аргументами о том, что японцы во Второй мировой войне понесли огромные потери и испытали неопишуемые страдания, а потому уже с лихвой искупили свои грехи. Из 74-миллионного населения Японской империи за время войны погибло около 3 млн человек, в том числе около 800 тыс. мирных жителей. В атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки погибло несколько сотен тысяч человек, страдания хибакуся (тех, кто выжил) продолжались на протяжении многих послевоенных десятилетий. Практически все японцы знают и о ковровых бомбардировках Японии с воздуха американцами весной — летом 1945 года.

Кроме того, особый упор делался на факты, которые подтверждают тезис о несправедливом отношении союзников к поверженной Японии. Широкое распространение получила теория о том, что Токийский трибунал был «судом победителей», а его решения были изначально необъективны. Осужденные и казненные по решению трибунала военные

В коммунистическом Китае в 1950–60-е годы критика Японии и даже напоминание о перенесенных китайским народом страданиях считались «нетактичными».

преступники класса А, в соответствии с данной теорией, уже «искупили грехи» нации, а потому их канонизация в храме Ясукуни не представляет ни юридической, ни этической проблемы. Согласно распространенной точке зрения, японские лидеры уже и так неоднократно извинились за военное прошлое, а своей экономической помощью Китаю, Южной Корее и другим странам Азии Япония с лихвой искупила былые грехи,

то есть проблему можно считать исчерпанной. К тому же выросло новое поколение, которое не обязано извиняться за грехи отцов. Так, депутат ЛДП Санаэ Такаити в 1995 году заявила в ходе дебатов по поводу резолюции, посвященной 50-летию окончания Второй мировой войны: «Поскольку я не являюсь частью поколения, прошедшего войну, я не испытываю чувства раскаяния»⁶.

Свою роль сыграло и то, что, по сравнению с Германией, масштабы послевоенных политических чисток в Японии были довольно умеренными. Борясь с коммунистической угрозой, американские власти фактически пошли на сделку с тогдашним японским политико-бюрократическим истеблишментом, приостановив в период «обратного курса» реализацию массовых чисток государственного аппарата по германской модели, а затем вообще освободили его представителей от ответственности за сотрудничество с милитаристским режимом. Достаточно снисходительными к Японии были и условия Сан-Францисского мирного договора 1951 года, по которым Япония практически полностью освобождалась от репараций.

Становлению ощущения виктимности способствовало и то обстоятельство, что большинство стран, воевавших против Японии и пострадавших от японской агрессии, в первые послевоенные десятилетия старались не привлекать излишнего внимания к преступлениям японского милитаризма. В коммунистическом Китае в 1950–60-е годы критика Японии и даже напоминание о перенесенных китайским народом страданиях считались «нетактичными». Пекин не хотел лишней раз раздражать Токио: целью Компартии Китая (КПК) было вырваться из дипломатической изоляции и получить дипломатическое признание западных стран и Японии. Кроме того, в официальной китайской историографии японская военщина была не самым опасным врагом — гораздо более страшным считался чанкайшистский режим. Наконец, в рамках коммунистической идеологии превалировало представление о необходимости разделения ответственности народа и власти: японский народ, согласно этому взгляду, сам был жертвой относительно немногочисленной клики милитаристов, а обвинять в преступлениях весь народ нельзя. Именно поэтому крупных расследований преступлений японцев в 1950–60-е годы в КНР практически не проводилось. Не поднимал в переговорах

с японцами Пекин и проблему репараций даже тогда, когда накануне восстановления двусторонних отношений у Китая было гораздо больше оснований для постановки этого вопроса.

Достаточно либеральным было отношение к «историческим грехам» Японии и в Соединенных Штатах. Отчасти это было связано с тем, что фокус внимания официальной американской историографии был сосредоточен на тихоокеанской войне (Pacific War), то есть на операциях с участием армии США в бассейне Тихого океана, тогда как боевые действия Японии в Китае и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, по сути, оказались на периферии исследовательского интереса. В вину Японии американцы главным образом ставили нападение на Перл-Харбор, для них оно перевешивало любые действия японских военных на материке. Некоторое освещение получила тема плохого отношения к военнопленным из армии США и их союзников, а также тема изнасилований голландок и филиппинок и их сексуальной эксплуатации в японских военных борделях.

Кроме того, свою роль в относительно слабом внимании к проблеме преступлений Японской императорской армии на материке сыграло и то обстоятельство, что оккупационная администрация США на определенном этапе стала поддерживать идею патриотизма в японском обществе, рассчитывая использовать ее в качестве рычага для консолидации японской нации в целях борьбы с коммунизмом (особенно сильно это стало заметно с началом корейской войны). Сами оккупационные власти США поддерживали тезис о нации-жертве, чтобы ослабить враждебность со стороны населения и повысить управляемость страны. Идея, что японский народ сам стал жертвой милитаристского режима, позволяла провести четкую разграничительную линию между милитаристской кликой и пострадавшим от ее действий населением. Это логически подводило к заключению, что японский народ не может нести ответственность за преступные решения своих лидеров, способствовало укреплению легитимности оккупационного правления и создавало дополнительный барьер против возрождения милитаризма.

Таким образом, в оценках итогов Второй мировой войны в Японии преобладала точка зрения, что японский народ является скорее жертвой, чем получившим заслуженное наказание агрессором. Он пострадал в результате атомных бомбардировок, пережил иностранную военную оккупацию, в ходе которой стране была навязана написанная американскими юристами конституция, а Токийский процесс был «судом победителей» и выносил предвзятые приговоры, не имевшие ничего общего с законностью и справедливостью. В этом же ряду исторических

В оценках итогов Второй мировой войны в Японии преобладала точка зрения, что японский народ является скорее жертвой, чем агрессором.

обид стоит и захват Советским Союзом исконно японских «северных территорий». И если к Америке, заложившей основы послевоенной политической и экономической системы страны и обеспечившей ей мир и процветание, у японцев не было больших претензий, то к СССР, геополитическому противнику в холодной войне, претензии были, и достаточно крупные.

Вопросы истории в послевоенный период

Образ СССР в послевоенной Японии

Комплекс виктимности превалировал и в интерпретации официальной японской историографии вступления СССР в войну с Японией, действий Советской армии в Маньчжурии и Корее, гуманитарных аспектов проблемы японских военнопленных, оказавшихся в советском плену, а также возникшей в результате незавершенности процесса послевоенного урегулирования территориальной проблемы.

Так, вступление СССР в войну 8 августа 1945 года в нарушение советско-японского Пакта о нейтралитете от 12 апреля 1941 года представляют в Японии исключительно как вероломство. Действительно, СССР формально нарушил свои международно-правовые обязательства по отношению к Японии, поскольку денонсированный им в апреле 1945-го пакт продолжал действовать еще в течение года. В Японии, однако, не любят вспоминать (а многие и не знают), что СССР объявил войну, основываясь на положениях Устава ООН, которые обязывали своих членов предпринять в переходный период шаги против «вражеских государств». Обязательства по Уставу ООН имели преимущество над любыми двусторонними договорами, включая Пакт о нейтралитете, и сама Япония признала Устав ООН, вступив в эту организацию в 1956 году.

В заочной полемике с Москвой некоторые японские эксперты выдвигают тезис, что соблюдение Токио Пакта о нейтралитете позволило СССР избежать войны на два фронта и, таким образом, создало предпосылки для победы над фашистской Германией. При этом они игнорируют тот факт, что выполнение СССР обязательств по Уставу ООН позволило ускорить завершение Второй мировой войны и избавило японский народ от дополнительных многочисленных жертв, которые он мог бы понести в результате продолжения бессмысленного сопротивления.

В качестве вопиющей исторической несправедливости преподносится также насильственное перемещение в СССР и использование труда бывших военнослужащих Японской императорской армии, сдавших оружие

в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах в августе 1945-го. На основании постановления Государственного комитета обороны СССР от 23 августа 1945 года на советскую территорию было направлено более 500 тыс. японских солдат и офицеров. В глазах многих японцев задержание этих людей после опубликования 15 августа 1945 года императорского рескрипта об окончании войны является грубым нарушением норм международного права (Потсдамской декларации и Женевской конвенции), в соответствии с которыми интернированные лица должны быть незамедлительно репатриированы на родину. Между тем процесс репатриации растянулся на десять с лишним лет, вплоть до подписания совместной декларации от 19 октября 1956 года, формально положившей конец войне. По разным оценкам, от 45 до 60 тыс. японских военнопленных умерли от непосильного труда, тяжелых климатических и бытовых условий, скудного и непривычного питания и недостаточной медицинской помощи.

Японцы осуждают такие неправомерные действия советских властей, как отказ представить информацию о точном количестве интернированных и их поименные списки; намеренное затягивание процесса репатриации; активное насаждение коммунистической идеологии в среде военнопленных с целью создания своего рода «пятой колонны» из числа репатриантов и так далее. Уже после подписания Московской декларации 1956 года СССР запрещал японцам посещать могилы их родственников, скончавшихся в плену; практически ничего не сделал для сохранения кладбищ, в результате чего многие могилы были безвозвратно утрачены; отказывался официально признать, что военнопленные были привлечены к труду, и выдать репатриантам соответствующие справки, из-за чего они оказались в худшем положении, чем военнопленные, прошедшие английские и американские лагеря, — у тех были сертификаты, и они могли требовать компенсационные выплаты за свой труд от японского правительства. И хотя в октябре 1993 года президент России Борис Ельцин принес официальные извинения Японии за негуманное отношение к военнопленным, а многие из оставшихся проблем были решены (разрешено посещение уцелевших кладбищ, выданы справки о привлечении к труду и пр.), у многих японцев, особенно старшего поколения, по-прежнему сохраняется чувство горечи из-за совершенной СССР несправедливости. О проблеме военнопленных знает и молодое поколение японцев — из школьных учебников, а также из многочисленных книг и фильмов, широко использующих мотив «жестокости сибирского плена».

Однако наиболее болезненно японцы воспринимают проблему территориального размежевания с СССР, которая, по их мнению, и по сей день остается одним из неурегулированных последствий Второй мировой

На протяжении десятков лет восприятие СССР японцами происходило через призму территориальной проблемы.

войны. Благодаря усилиям официального Токио эта проблема получила мощное пропагандистское обеспечение и была выведена на уровень вопроса, затрагивающего национальный престиж страны. В начале 1980-х с одобрения властей была начата кампания по сбору подписей в поддержку требования о возвращении «северных территорий», ежегодно 7 февраля отмечается день «северных территорий» с участием премьер-министра и других высших руководителей страны. По сути, на протяжении десятилетий восприятие СССР происходило через призму территориальной проблемы, считалось, что Советский Союз повел себя как «вор на пожаре». В результате среди японской общественности сформировалось стойкое представление об СССР как о стране-агрессоре.

Негативное восприятие СССР через память о войне, как и прочие аспекты отношения к историческому прошлому, о которых шла речь выше, позволяли искусственно поддерживать в японском народе ощущение пострадавшей нации и затмевать тем самым чувство вины, связанное с агрессивной политикой Японии. Следует, однако, иметь в виду, что курс на формирование образа СССР как враждебного государства проводился в соответствии с логикой холодной войны и имел четко выраженную идеологическую подоплеку — неслучайно СССР в официальных документах именовался потенциальным военным противником Японии. Это в какой-то степени объясняет, почему большинство японцев не имеет к США никаких претензий за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, повлекшие за собой неисчислимые человеческие жертвы среди мирного населения, считая их «неизбежным злом» и даже «вынужденной мерой», в то время как утрата страной незначительных территорий стала восприниматься как национальная трагедия.

Образ Японии в послевоенном СССР

Советские взгляды на вопросы истории Японии и российско-японских отношений, формировавшиеся здесь с помощью средств воспитания, просвещения и пропаганды, были проникнуты духом классового подхода и учением марксизма-ленинизма. Япония представлялась страной, которая в XIX веке вступила, как и царская Россия, в стадию военно-феодалного империализма и развивалась из-за узости внутреннего рынка преимущественно по пути внешней экспансии. Итоги Русско-японской войны оценивались как поражение царизма, а не России в целом.

Особого внимания заслуживает то, как в советской историографии освещался вопрос о вступлении СССР в войну с Японией. Это решение, как указывалось выше, было основано на ялтинских соглашениях и вытекало из требований Устава ООН, направленных на быстрое завершение Второй мировой войны. Однако в условиях, когда в общественном мнении отсутствовал специфически антияпонский компонент, поскольку Япония на СССР не нападала, необходимо было

привести морально-этические основания вступления СССР в войну. В числе таких аргументов, обозначенных Сталиным в своей речи по случаю победы над Японией, — необходимость возмездия за унижительное поражение в Русско-японской войне. Указывалось и то, что Япония, утвердившись на Курилах и Южном Сахалине, вынашивала планы отторгнуть от России весь ее Дальний Восток; что в ходе интервенции 1918–1922 годов она, по выражению Сталина, «четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток»⁷; что, будучи союзником гитлеровской Германии, заключила 18 января 1942 года с Берлином и Римом сделку по разделу территории СССР на «германскую» и «японскую» зоны оккупации с прохождением линии раздела по меридиану Омска⁸; что СССР был вынужден считаться с угрозой нападения со стороны Японии и держать на Дальнем Востоке во время войны с Германией большую военную группировку, которой так не хватало на западном направлении; что Япония во время войны захватывала советские суда, необоснованно задерживала советских граждан и совершала иные провокации. Широкую известность получил также японский план подготовки войны против СССР, разработанный генеральным штабом в соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 года, то есть менее чем через три месяца после подписания с СССР Пакта о нейтралитете, и в виде директивы направленный в расквартированную в Маньчжурии Квантунскую армию⁹. На этом фоне разгром японских милитаристов в Маньчжурии, Корею, на Сахалине и Курильских островах воспринимался советским общественным мнением как освободительная миссия, аналогичная той, что осуществила Красная армия в Европе. В этом же контексте, то есть как акт восстановления исторической справедливости, преподносились и территориальные приобретения СССР в результате войны с Японией — Курильские острова и возвращение Южного Сахалина.

Между тем в советском (и постсоветском) общественном мнении практически не осталось такого эмоционально окрашенного компонента исторической памяти, основанного на личном опыте живущего поколения, который был у довоенного советского поколения по отношению к Японии. В отличие от Германии, Япония не причинила во время войны сильных страданий советскому народу и большого ущерба советской экономике. Боевые действия между СССР и Японией длились всего около трех недель (СССР объявил войну 8 августа 1945 года, а капитуляция Японии состоялась 2 сентября), погибшие советские военнослужащие исчислялись тысячами, а не миллионами, как это было на германском фронте. Не звучали в советской пропаганде в отношении японцев такие патетические призывы, как «Убей немца!» из статьи Ильи Эренбурга,

Во время холодной войны Москва предпочитала воздерживаться от чрезмерных пропагандистских нападок на Японию, касающихся военного прошлого.

опубликованной в газете «Красная звезда» 24 июля 1942 года. Следует отметить в этой связи, что противоположная картина негативного эмоционального восприятия СССР, наблюдавшаяся в Японии, была во многом связана с тем обстоятельством, что почти все ее население (члены семьи, родственники, знакомые и так далее) оказалось затронутым проблемой советского плена.

Во время холодной войны Москва предпочитала воздерживаться от чрезмерных пропагандистских нападков на Японию, касающихся военного прошлого. Это было связано, конечно, с тем, что основные потери СССР понес на германском фронте, и поэтому историческое просвещение в СССР концентрировалось в основном на Великой Отечественной войне. Важным для понимания советского нейтрально-сдержанного отношения к поверженной Японии был и фактор американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки: в глазах советских граждан японцы более чем сполна расплатились за свою авантюристическую политику. К тому же Япония оказалась в результате в положении оккупированной страны, не имеющей возможности даже написать собственную конституцию и проводить собственный внешнеполитический курс. Послевоенный пацифизм и политическая несамостоятельность Японии воспринимались в СССР как наказание за грехи прошлого и потому вызывали скорее чувство жалости, как к покалеченному преступнику, который физически не сможет совершить новых злодеяний. СССР, проявляя милость к павшим, был великодушен, а в сознании народа практически не осталось никаких претензий к Японии. «Долги» Японии за Цусиму, интервенцию, КВЖД и Халхин-Гол были, таким образом, погашены ее капитуляцией, территориальными приобретениями на Курилах и Сахалине, а также моральным удовлетворением от ее унижительного положения в качестве «американской полукolonии».

Имела значение и международная политическая обстановка холодной войны. Попав в орбиту американского влияния, послевоенная Япония оказалась на периферии советского взгляда на мир. Характерной чертой советского внешнеполитического мышления был европоцентризм, в соответствии с которым все главные дела делаются на Западе, а Восток является не более чем объектом соперничества двух систем. СССР воспринимал Японию как несамостоятельного игрока, который попал в жернова военно-стратегического противостояния, превратившись в потенциальную стартовую площадку для запуска ракет по советским целям.

То, что именно этот контекст был главным в советской политике в отношении Японии, подтверждается и проявленной Никитой Хрущевым в 1955–1956 годах готовностью к компромиссу на переговорах о восстановлении дипломатических отношений. В расчете на благодарность Токио Москва согласилась после подписания мирного договора передать Японии два южнокурильских острова. СССР пытался таким образом заручиться

нейтральным статусом Японии, чтобы обеспечить бóльшую безопасность советских дальневосточных рубежей. Между тем, когда Токио подписал с Вашингтоном в январе 1960 года новую редакцию договора безопасности, Москва немедленно отказалась выполнять условия советско-японской декларации 1956 года. Мотивы советского демарша ясно и недвусмысленно обозначены в «ноте Громыко»: Токио был обвинен в нежелании вывести иностранные военные базы со своей территории, а по сути — в том, что политический режим Японии носит марионеточный характер.

Утратив надежду на нейтрализацию Японии, Москва в 1960–70-е годы взяла курс на приоритетное развитие экономических отношений с этой успешно развивающейся страной, рассматривая ее в качестве источника инвестиций и высокотехнологичной продукции, необходимых для освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, а также перспективного рынка для реализации сырьевых товаров, составлявших основу советского экспорта. Политические связи оставались замороженными: СССР не хотел идти на попятную по проблеме Южных Курил и возвращаться к обсуждению условий реализации декларации 1956 года, а потому придерживался позиции «отсутствия территориальной проблемы», тогда как Япония стала проводить неуступчивую линию на «одновременное возвращение четырех островов», поставив данный вопрос в центр политической повестки дня своих отношений с Москвой.

Большое значение при расстановке приоритетов в советской внешней политике на азиатском направлении имел фактор Китая. Особенно в конце 1960-х, когда конфликт Москвы с Пекином вступил в горячую фазу, проявившись в вооруженных столкновениях на границе. Опасаясь японо-китайского сближения на антисоветской почве, Москва стала предпринимать шаги по прощупыванию путей замирения с дальневосточным соседом по территориальному вопросу. Пиком политики заигрывания с Японией стал визит в Токио в январе 1972-го советского министра иностранных дел Андрея Громыко, который неожиданно даже для сопровождавших его советских дипломатов предложил японским партнерам рассмотреть возможность возврата к условиям декларации 1956 года (то есть к формуле «двух островов»). Однако реакция японской стороны была пассивной: политической воли для того, чтобы пойти на компромисс с Москвой, отказавшись от базовой позиции «четыре острова», у японского лидера Эйсаку Сато, который к тому времени уже был «хромой уткой», не было, а сменивший его на посту премьер-министра Какуэй Танака, прозванный «бульдозером» за свою нехарактерную для японцев прямооту и привычку лезть напролом, открыто заявил на встрече с Брежневым в октябре 1973-го, что цель его визита в Москву заключает-

Утратив надежду на нейтрализацию Японии, Москва в 1960–70-е годы взяла курс на приоритетное развитие экономических отношений с этой страной.

ся в решении территориального спора на японских условиях. В результате сделка так и не состоялась — и политические отношения остались замороженными еще почти на два десятилетия.

СССР продолжал исключительно ревниво следить за развитием японо-китайских отношений и после 1972 года, когда произошло историческое замирение двух азиатских гигантов, но до 1978-го

воздерживался от открытой критики Японии: Пекин пока еще не опередил Москву по уровню связей с Токио, а советско-японское экономическое сотрудничество, получившее мощный импульс после встречи на высшем уровне 1973 года, требовало определенной стабильности политической атмосферы. Лишь в августе 1978-го, когда в Пекине был подписан японо-китайский договор о мире и дружбе, одна из статей которого предусматривала объединение усилий для

противостояния гегемонии третьей стороны в Азии, советское правительство раскритиковало позицию Японии как принявшей навязанную Пекином антисоветскую линию.

Несмотря на то что вплоть до окончания холодной войны политических контактов на высшем уровне практически не было (за исключением визита японского премьера в Москву в 1973-м), СССР старался не создавать дополнительных сложностей на пути к их размораживанию — например, критикой Японии в связи с ее «недостаточным покаянием» за «неправильное поведение» в далеком прошлом. Советский пропагандистский прицел был направлен на «возрождающийся милитаризм» — проводившийся Токио при молчаливом одобрении заокеанского союзника «реваншистский» курс на возрождение военной мощи. Однако эти обвинения были скорее ритуальными и отвечали общим постулатам идеологической борьбы с Западом, а не конкретным задачам, стоявшим в отношениях с Токио. В то же время за пределами основного советского историко-политического дискурса оставались вопросы агрессивной политики милитаристской Японии на материке, в том числе Нанкинской резни 1937 года, — чрезмерные пропагандистские нападки на Японию за действия императорской армии в Китае выглядели бы как косвенная поддержка китайского взгляда на историю. Единственным исключением были публикации о деятельности японского «Отряда 731», занимавшегося в Маньчжурии в годы войны бесчеловечными экспериментами на людях с целью разработки бактериологического оружия — так, в Москве в 1983 году был издан русский перевод книги японского историка Сэйити Моримурэ «Кухня дьявола».

Редко освещались советскими пропагандистами и сложные вопросы довоенной истории двусторонних отношений, такие как, например, Русско-японская война или японская интервенция периода

За пределами основного советского историко-политического дискурса оставались вопросы агрессивной политики милитаристской Японии на материке.

Гражданской войны, японская милитаристская угроза, хищнический лов, проводившийся японскими рыбопромышленниками в советских территориальных водах, — то есть вопросы, которые при желании можно было бы использовать для разжигания антияпонских настроений в массах. И хотя нанесенный Японией во время интервенции на Дальнем Востоке и Великой Отечественной войны ущерб был подсчитан до копейки, в работах советских ученых подчеркивалось, что СССР, отказавшись, согласно шестой статье декларации 1956 года, от любых репарационных претензий к Японии, проявил к ней «великодушные, невиданные в отношениях между победителем и побежденным»¹⁰. За этим имплицитно стояло понимание того, что послевоенная Япония является качественно иным государством и что она сполна уже заплатила за свои старые грехи. В этом советский официоз отличал Страну восходящего солнца от стран Запада, например от США или Великобритании, которые рассматривались в качестве империалистических государств, проводивших неизменно антисоветскую политику на протяжении всего XX века. Свою роль, конечно, играл и пацифистский статус Японии, а также то, что она пострадала от американских атомных бомбардировок, — это вызывало в глазах советской общественности сочувствие и симпатию. И даже появление американских баз на японской территории представлялось не как результат сознательного решения демократически избранного правительства Японии, а как бедствие, навязанное заокеанским партнером, как источник неопикуемых страданий японского народа. Япония-жертва была одним из кейсов в идеологической борьбе с Западом.

Что касается сложных вопросов военного прошлого, излишнее медийное внимание к ним особенно не поощрялось, в том числе и потому, что СССР после подписания совместной декларации 1956 года считал их урегулированными и не желал создавать повода для новой дискуссии по этой скользкой теме. Табу было наложено и на исследование исторической подоплеку советско-японской территориальной проблемы, которой, в трактовке Москвы, не существовало — разрешалось говорить лишь о «необоснованных территориальных претензиях» японской стороны. Например, в вузовском учебнике по истории Японии 1988 года отсутствовало даже упоминание о девятой статье декларации 1956 года¹¹. Ничего не говорилось об этой части декларации и в капитальном издании «История Японии (1945–1975)», подготовленном Институтом востоковедения АН СССР в 1978 году¹². При этом особый упор в советской научной литературе, посвященной ходу переговоров о нормализации двусторонних отношений, делался на

Появление американских баз на японской территории представлялось в СССР не как решение правительства Японии, а как бедствие, навязанное заокеанским партнером.

Экономические успехи Японии, особенно заметные в 1960-х — начале 1970-х, вызвали в советском обществе всплеск интереса к японской истории, культуре и искусству.

неблаговидную роль американцев, которые «не только поддерживали реваншистские требования правящих кругов Японии (по территориальному вопросу. — *Д. С.*), но и прибегли к прямому дипломатическому нажиму»¹³. В советских публикациях можно было найти упоминание и о «шантаже Даллеса» (угрозе госсекретаря США Джона Даллеса в адрес Японии, озвученной им в августе 1956-го: «Если Япония уступит Советскому Союзу в территориальном вопросе, США навсегда сохранят оккупацию островов Рюкю») ¹⁴, и о памятной записке Государственного департамента США от 7 сентября 1956 года. Однако подробнее о японской или американской позиции по данному вопросу и об истории и причинах их формирования не сообщалось.

Особый акцент на деструктивную позицию Америки неслучаен — именно она обоснованно считалась первопричиной всех бед в советско-японских отношениях. Япония неизменно представлялась как американский сателлит и «полуколония», а в первые два послевоенных десятилетия подспудно считалась неотъемлемой частью пробуждающегося от многовековой спячки «азиатского мира», страной, перед которой стоят задачи «национально-освободительного движения». Характерно, что вплоть до начала 1960-х в структуре аппарата ЦК КПСС Япония входила то в состав сектора народно-демократических стран Востока и Японии, то в сектор стран Ближнего и Среднего Востока, то в сектор Африки ¹⁵. Японцев охотно приглашали на различные форумы антиимпериалистической солидарности, а японских студентов на первых порах принимали за государственный счет в Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, созданный в 1960 году «для оказания помощи в подготовке высококвалифицированных и воспитанных в духе дружбы национальных кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки» ¹⁶, а по сути — для идеологического воспитания молодежи развивающихся стран. Так что советские целевые установки в отношении Японии долгое время сводились к тому, чтобы подтолкнуть ее к аннулированию договора безопасности и к политике мирного нейтралитета.

Представление о Японии как жертве и несамостоятельном игроке постепенно теряло силу по мере экономических успехов Японии, особенно заметных в 1960-х — начале 1970-х. Экономическое чудо вызвало в советском обществе всплеск интереса к японской истории, культуре и искусству. Все это создавало флер загадочной страны и обеспечивало Японии высокий по сравнению с другими капиталистическими странами кредит в советском общественном сознании — к ней относились более благожелательно, чем не только к США, но и ко многим куда более близким в культурном плане европейским странам.

Однако до окончания холодной войны японское экономическое чудо не было в СССР предметом изучения и осмысления. И только в перестроечное время, когда двусторонние отношения потеплели, было принято решение о необходимости изучения японского опыта, который, как считалось тогда, в наибольшей степени соответствует советским реалиям. Особое внимание предполагалось уделять японскому менеджменту, системе организации и управления производством, в которой прослеживалось множество аналогий с советской системой (например, «кружки качества» на японских предприятиях напоминали советское рационализаторское движение). Японское экономическое чудо преподносилось не как результат внедрения либеральной рыночной модели, а, наоборот, как успех плановой экономики, политики государственного регулирования и «административного руководства». Востребована, пусть и в меньшей степени, была и послевоенная модель японской политической системы — монополярная власть Либерально-демократической партии в условиях политической демократии рассматривалась многими в позднесоветский период в качестве образца для подражания, так как позволяла поддерживать миф о том, что коммунистический режим еще можно поддаться. Неслучайно в самом конце существования СССР наилучшие отношения из всех японских политических партий у КПСС сложились именно с ЛДП.

Поиск в японском послевоенном опыте ключа к решению актуальных экономических, социальных и политических проблем был продолжен и после распада СССР. Многие считали, что его можно использовать для наиболее безболезненного перехода постсоветской России к рыночной экономике. Между правительствами двух стран в 1993 году было заключено соглашение о создании на базе трех академических институтов Центра по изучению современной Японии, в Институте востоковедения РАН стал издаваться ежеквартальный журнал «Японский опыт для российских реформ». В 1996-м российскими японоведами был подготовлен сборник статей «Японский феномен», обобщивший специфические черты японской модели исторического развития. Следует, впрочем, признать, что период, когда Японию воспринимали сквозь розовые очки, кончился довольно быстро: при ближайшем рассмотрении большинство ее достижений оказалось применимо только на японской почве и в японских же условиях. К тому же политика перехода к рыночной экономике в России носила непоследовательный характер, и зарубежный опыт в практической плоскости так и не был востребован.

Вопросы исторической памяти в современных российско- японских отношениях

Японский взгляд

Если оценивать проблемы исторического прошлого как фактор принятия дипломатических решений, ситуации в современных России и Японии коренным образом различаются. В Японии по-прежнему сильны стереотипы холодной войны, а в восприятии России доминирует образ Soviet-like country — страны, мало отличающейся от СССР. Этот образ в значительной степени определяется позицией Москвы по территориальной проблеме, которая, как считают в Японии, вновь стала «советской», эволюционировав с конца 1990-х в сторону ужесточения. Японские СМИ по-прежнему рассказывают о моральных страданиях бывших жителей Южных Курил и Сахалина, которым уже хорошо за девяносто, возвращаются к обиде за «оккупацию исконно японских территорий» и искусно ее подогревают, поддерживают актуальность темы «жестокости сибирского плена» и так далее. На это накладывается присущая большинству японцев стойкая нелюбовь к коммунистической идеологии, которая вызывает к жизни стереотип красной, страшной и непредсказуемой России. Эти предубеждения практически не зависят от политической конъюнктуры — они оставались одинаково сильными и в конце 1990-х во время «большой дружбы Бориса и Рю» (Ельцина и премьера Рютаро Хасимото), и во время украинского кризиса 2014–2015 годов. Если в большинстве западных стран отношение к России в 2014 году существенно ухудшилось по сравнению с 2013 годом — по опросу Pew Research Center, количество респондентов, отрицательно относящихся к России, увеличилось в США с 43 до 72%, в Европе — с 54 до 74%, — в Японии этот и без того высокий показатель изменился не столь значительно — с 64 до 69%¹⁷.

Следует отметить, что в политическом руководстве, в среде высшей бюрократии и бизнес-сообществе Японии, безусловно, существуют различные точки зрения на отношения с Россией. Однако никто из властей предрежащих не сомневается, что в вопросах исторического прошлого Япония занимает правильную позицию. Даже отчаянные русофилы открыто не предлагают махнуть рукой на территориальные претензии к Москве, официально признать нынешний статус Южных Курил в составе России, «простить» ее за нарушение Пакта о нейтралитете и за негуманное отношение к военнопленным. Вопрос заключается лишь в том, давать ли ход старым обидам сразу или какое-то время подождать.

Российский взгляд

В глазах российского общества и российской политической элиты Япония представляет гораздо более сложную, многоплановую и многоцветную картину. Российские стереотипные взгляды на Японию можно условно разделить на три группы: «проигравшее государство», «Хватит быть сателлитом Америки!» и «Германия на востоке», а их носителей условно обозначить как «консерваторов», «реалистов» и «меркантилистов». Безусловно, в таком разделении есть большой элемент утрирования, но без него сложно понять природу российских сомнений и колебаний по японскому вопросу.

Консерваторы

Первый из стереотипов связан с итогами Второй мировой войны и прочно относит Японию к категории проигравших государств, которые должны соответствующим образом вести себя на мировой арене. Наиболее силен этот стереотип среди консервативной части российского политического класса, в том числе депутатов всех уровней, военных, дипломатов, журналистов, экспертов и части университетской профессуры. Данный взгляд опирается на широкие общественные настроения, в которых после крымских событий существенно усилился националистический компонент.

Консерваторы исходят из представления о России как о стране — гаранте Ялтинско-Потсдамской системы и постулата о неизбежности итогов Второй мировой войны. По их мнению, Япония как проигравшая сторона должна постоянно помнить о своем статусе, принимая его с покаянием и смирением. Консерваторы с известной долей алармизма воспринимают «реваншистскую» политику кабинета Синдзо Абэ в сфере национальной безопасности, направленную на пересмотр конституции, ликвидацию пацифистских ограничений и активное военное строительство. Крайне негативно они реагируют на любые публичные формы территориальных претензий японских властей к России. Парадоксальным образом консерваторы в целом позитивно относятся к японо-американскому союзу, считая, что он сдерживает японскую «военщину», не позволяя Японии обзавестись ядерным оружием и стать крупной военной державой, а следовательно — и источником угрозы для российских дальневосточных границ.

Приоритет постулата о неизбежности итогов Второй мировой войны и статус Японии как проигравшей стороны, на котором настаивают консерваторы, в реальности означает жесткое следование линии «отсутствия территориальной проблемы» в диалоге с Токио. Любой компромисс, даже в духе декларации 1956 года, по логике консерваторов имплицитно означал бы пересмотр итогов войны и заложил бы бомбу замедленного действия под всю конструкцию послевоенных границ. Именно эта кон-

сервативная точка зрения, ставшая в последние годы основной в российском политическом истеблишменте, генерирует наибольшую жесткость и неуступчивость Москвы в диалоге с Токио.

Реалисты

Второй стереотип — «Хватит быть сателлитом Америки!» — основан на предположении, что Страна восходящего солнца стоит на слишком проамериканской позиции, не отвечающей ее национальным интересам, что Япония уже достаточно окрепла, чтобы избавиться в своих действиях от ежечасного контроля со стороны Дяди Сэма, и что выстраивать отношения с Россией она должна самостоятельно. Этот стереотип в основном распространен среди наиболее реалистично мыслящей части политологов и дипломатов и в меньшей степени среди силовиков.

Реалисты особое значение придают различиям национальных интересов Японии и США, апеллируют к «китайской угрозе» и к необходимости построения добрых отношений с Россией для нейтрализации этой угрозы, интерпретируют контакты на высшем уровне США с Китаем в конспирологическом плане — как попытку поделить мир за спиной Японии. Реалисты отвергают присущий консерваторам догматичный взгляд на итоги Второй мировой войны и иные вопросы исторического прошлого, исходят из принципов постбиполярного мира и проявляют понимание в отношении современной политики Японии в сфере безопасности, видя в ней естественное стремление Токио защитить свои национальные интересы перед лицом новых угроз. Они полагают, что Россия и Япония способны найти компромисс по территориальному вопросу, вернувшись к условиям декларации 1956 года, и что конкретные детали этого компромисса можно выработать, исходя из сегодняшнего положения дел.

Конечно, реалисты не столь наивны, чтобы рассчитывать на возможность «оттянуть» Японию от США в стратегическом отношении. Однако сторонники данной точки зрения делают упор на то, что на фоне военного подъема Китая и обострения проблемы защиты островов Сэнкаку, а также успехов ядерной программы Пхеньяна зависимость Японии от Соединенных Штатов в области военной безопасности выросла, а пространство для самостоятельных внешнеполитических решений сузилось до такой степени, что это стало наносить ущерб национальным интересам страны. Например, Япония вынуждена принимать невыгодные ей условия Транстихоокеанского партнерства, менять в угоду США законодательство в сфере национальной безопасности, отказываться по той же причине от участия во многих проектах евразийской интеграции. Кстати, подобная же точка зрения находит отклик и среди части японского политического истеблишмента, где с приходом Абэ существенно усилилось националистическое крыло. На этом фоне укрепле-

ние отношений с Москвой, по мнению реалистов, объективно усилило бы переговорные позиции Японии в отношениях с Америкой, в которых она, как уже было отмечено, играет роль «сателлита».

После украинского кризиса, по мере усиления антиамериканского компонента в российской внешней политике, представители политической элиты стали говорить о том, что Япония поддержала антироссийские санкции против своей воли, лишь из солидарности с Западом. Некоторые в России рассчитывают, что Токио поможет Москве преодолеть внешнеполитическую изоляцию, используя для этого возможности саммита «Большой семерки», который в 2016 году пройдет в Японии. Объективно эти надежды являются выражением мнения реалистов.

Меркантилисты

Третий стереотип — «Япония как Германия на востоке» — подразумевает максимальную деполитизацию связей с Японией, дистанцирование в отношении с ней от любых сложных и конфликтных вопросов и опору на то, что нас объединяет, а именно — на общие экономические интересы, основанные на способности России обеспечить Японию энергоресурсами, продовольствием и транзитными возможностями в Европу в обмен на японские инвестиции и технологии. Аналогия здесь, конечно, подразумевается не с нынешней меркелевской Германией, а с дружественной России ФРГ эпохи Коля — Шрёдера, оказавшей неоценимую экономическую, технологическую и политическую поддержку в сложный период становления российской государственности. Поскольку тезис о «Германии на востоке» отдает приоритет экономическим связям, которые, как предполагается, будут двигать российско-японские отношения вперед в долгосрочной перспективе, его приверженцев можно условно отнести к меркантилистскому крылу политического истеблишмента, существующему во всех крупных экономических державах с ментально и политически осознанными интересами бизнеса.

Согласно этой наиболее прояпонской точке зрения, российская политика односторонней опоры на Китай неприемлема, поскольку таит в себе риски превращения России в «северный улус» Поднебесной. Что касается проблем исторического прошлого, то, по мнению меркантилистов, России и Японии следует строить свои отношения с чистого листа, по возможности не вспоминая былые обиды. По их мнению, стоит только разрешить территориальный спор с Японией или хотя бы найти наиболее бесконфликтную формулу его замораживания на длительный срок, в Сибирь и на Дальний Восток тут же хлынут японские инвестиции и технологии, столь необходимые России в нынешней сложной экономической ситуации.

Меркантилистский стереотип получил некоторое распространение среди российского экспертного сообщества, в экономическом блоке пра-

вительства, бизнес-сообществе, а также в либеральном крыле политических сил. Однако отклика в российском обществе эти взгляды не находят, не находят они отражения и в практической политике России. Впрочем, по мере усиления кризиса в российской экономике или появления серьезных проблем в отношениях с Китаем можно ожидать определенного укрепления позиций меркантилистов.

Какой же из рассмотренных стереотипов имеет преобладающее влияние на российское руководство и, в частности, на российского президента? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. По всей видимости, у российских лидеров нет цельного образа Японии и последовательной стратегии развития отношений с этой страной — во внешней политике ухитряются уживаться различные, даже взаимно исключаящие точки зрения. Иногда на первый план выходят соображения национального престижа — и разделяющие нас вопросы истории оказываются востребованными, иногда, наоборот, более важными становятся практические вопросы взаимодействия — и тогда о мрачном прошлом наших отношений можно какое-то время не вспоминать.

Россия пока воздерживается от шагов, ведущих к существенному ухудшению политических отношений с Токио. Она продолжает, несмотря на внутривластное давление справа, диалог по проблеме мирного договора; крайне осторожно высказывается о современной военной политике Токио в сфере безопасности; старается держаться нейтральной позиции в болезненных вопросах исторического прошлого, которые являются камнем преткновения в отношениях Токио с соседями (в том числе по проблемам храма Ясукуни, школьных учебников, «женщин для утешения» и так далее). Осторожность России особенно заметна на фоне Китая, который не упускает повода лишний раз «лягнуть» Японию, например за принятие в 2015 году закона о национальной безопасности, легализующего право Японии на коллективную самооборону.

Москва понимает, что, перегнув палку с критикой «возрождающегося милитаризма», может еще сильнее испортить и без того плохие отношения с Токио. Принципиально поддерживая нейтралитет в спорах Японии с ее соседями, Россия стремится к тому, чтобы дальнейшая нормализация отношений не омрачалась ничем, кроме уже имеющейся проблемы границы. Вместе с тем по территориальному вопросу Москва демонстрирует все большую жесткость.

Заключение

Для России и Японии, двух стран, которые движутся по нисходящему пути развития и теряют былые позиции в глобальной экономике, обращение к вопросам исторического прошлого — способ снизить социаль-

ные издержки: приостановить рост в обществе пессимизма, вызванного экономическими трудностями, и создать для молодого поколения определенный драйв, основанный на чувстве патриотизма и национальной гордости. Однако в двусторонних отношениях Москвы и Токио, где проблемы прошлого остро стоят только в контексте наследия Второй мировой войны, исторический фактор работает диаметрально противоположным образом.

Япония стремится подвести черту под своим прошлым, полностью очиститься от клейма врага и стать государством, былые грехи которого уже не довлеют над настоящим. Все активнее Токио проводит курс на отказ от пацифистских ограничений, на строительство полноценных вооруженных сил и на более жесткое — иногда и подкрепленное военной силой — отстаивание своих интересов. В выступлениях многих японских политиков, включая самого премьер-министра Абэ, звучит тезис о том, что военные преступники уже смыли своей кровью позор военного поражения, а нынешнему поколению не за что оправдываться.

Если в глазах соседей такая политика не что иное, как проявление ревизионизма, то с точки зрения самой Японии это, очевидно, новый этап истории, основанный на самоутверждении и самоуважении, на преодолении собственной виктимности и неполноценности. Наступательность и напористость в выдвижении территориальных требований к Москве — важная часть политики «подведения черты», и трудно представить такой сценарий развития событий, при котором Япония отказалась бы от этой линии, и очевидно, что с течением времени она будет только укрепляться.

Россия, наоборот, черпает свою силу в славном военном прошлом и воспринимает Японию в первую очередь как проигравшее государство, а потерю Японией части территорий на севере — как возмездие за агрессивную политику во время войны и как проявление высшей исторической справедливости.

Тот факт, что наиболее сложная и болезненная проблема исторического прошлого — территориальная — расположена на пересечении этих разнонаправленных векторов, создает ситуацию, в которой отношения между Россией и Японией не могут быть урегулированы даже в режиме ручного управления, то есть путем волевых решений политиков. Это не позволяет смотреть на будущее отношений России и Японии с оптимизмом.

Примечания

- 1 *Kimura H.* Japanese-Russian Relations under Gorbachev and Yeltsin. — N. Y.: M. E. Sharpe Inc. — 2000. — P. 313.
- 2 *Сталин И.* Обращение к народу. — Правда. — 1945. — 3 сентября ([http://www.ru.wikisource.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83_\(%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD\)](http://www.ru.wikisource.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83_(%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD))).
- 3 *Корнилов С.* Тайны красного Дон-Кихота. — www.peoples.ru (<http://www.peoples.ru/military/hero/lazo/history.html>).
- 4 *Ложкина А.* Образ Японии в советском общественном сознании (1931–1939 годы). — Lambert Academic Publishing. — 2011. — С. 12–13.
- 5 *Ferguson, J.* Japanese-Russian Relations, 1907–2007. — Routledge. — 2008. — P. 194.
- 6 Асахи симбун. — 2013. — 15 мая.
- 7 *Сталин И.* Обращение к народу. — Правда. — 1945. — 3 сентября ([https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83_\(%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83_(%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD))).
- 8 *Кошкин А.* Как Япония «помогала» СССР одолеть Гитлера. — Независимая газета. — 2015. — 8 мая (http://www.nvo.ng.ru/gpolit/2015-05-08/1_japan.html).
- 9 *Кошкин А.* Крах стратегии «спелой хурмы»: военная политика Японии в отношении СССР. — М.: Мысль, 1989. — С. 101.
- 10 *Петров Д.* Япония в мировой политике. — М.: Издательство «Международные отношения», 1973. — С. 219.
- 11 *Кузнецов Ю., Навлицкая Г., Сырицын И.* История Японии. — М.: Высшая школа, 1988. — С. 325–326.
- 12 История Японии (1945–1975). — М.: Наука, 1978. — С. 186.
- 13 СССР — Япония: к 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925–1975). — М.: Наука, 1978. — С. 96.
- 14 *Эйдус Х.* СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после Второй мировой войны. — М.: АН СССР, 1964. — С. 135.
- 15 *Симотомаи Н.* Ким Ир Сен и Кремль. Северная Корея эпохи холодной войны. — М.: МГИМО — Университет, 2010. — С. 318.
- 16 Газета «Правда». — 1960. — 24 февраля.
- 17 *Казачков О.* Российско-японские отношения в 2014 году. — Ежегодник «Япония». — 2015. — С. 32.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

**ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В РОССИЙСКО-
ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

Дмитрий Стрельцов

Редактура и корректура бюро ТХТ (www.txtburo.com)
Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский
Компьютерная верстка Ю. Мосягин
Фото на обложку: depositphotos.com

Подписано к печати 19.05.2016
Формат 60x90 1/8.
Гарнитура Garamond Premier Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5
Тираж 300 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна
Россия, 125040, Москва,
Ленинградский проспект, 11-28
classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., д. 16/2
Тел.: + 7 495 935-89-04
Факс: + 7 495 935-89-06
Email: info@Carnegie.ru
www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «Самполиграфист»
129090, Москва, Протопоповский переулок, д. 6

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru